

Еще раз о ранних стременах

Резюме. Логика эволюционной схемы происхождения и ранней истории стремян, выработанной в 1970-х гг., должна быть пересмотрена. На раннем этапе стремена, сначала в виде односторонних подседочных подножек, а затем и двусторонние, не повлияли на развитие военного дела и были всего лишь аристократическим аксессуаром, чуждым кочевнической традиции. Превращение стремян во всеобщий всаднический стандарт произошло не в итоге постепенного развития и распространения северокитайских и корейских прототипов, а в результате сложения своеобразных, отличающихся от обычного кочевничества, условий, в которых племя ашина оказалось после 460 г., с началом алтайского периода своей истории.

Ключевые слова: стремена, седла, односторонние подседочные подножки, ранние турки.

Azbelev P. P. Once more about the early stirrups. The logic of the evolutionary scheme of stirrups' origin and early history, which was worked out in the early 1970es, should be revised. At the earliest stage of their existence the stirrups, which first came into being in the form of one-sided foot-supports, had nothing to do with the development of warfare. Originally they were just an accessory for aristocracy, an accessory that was alien to nomadic tradition. The stirrups' transformation to become a universal equestrian standard did not come as a result of gradual evolution and spreading of the northern Chinese and Korean prototypes, but appears rather to be conditioned by a complex of peculiar conditions in which the *ashina* tribe found themselves after 460 AD, when the Altai period of their history had started.

Keywords: stirrups, saddles, one-sided foot-supports, early Turks.

Многолетними исследованиями выяснена общая история стремян. В публикациях 1-й половины XX в. о ней еще пытались говорить на основе общих рассуждений, но с середины века, начиная с работы Э. Д. Х. Бивара (Bivar 1955), на смену рассуждениям пришло осмысление систематизированного материала. С. И. Вайнштейн в серии работ 1960–1980-х гг. в целом проследил происхождение и эволюцию жесткого седла со стременами (см. прежде всего: Вайнштейн 1966; Вайнштейн, Крюков 1984). Итоги этих поисков обобщены в монографии 1991 г. (Вайнштейн 1991: 215–229). В 1973 г. вышли статьи И. Л. Кызласова и А. К. Амброза; в этих работах был собран практически весь имевшийся к тому времени фактический материал, относящийся к вопросу

о ранних стременах. Всем исследователям представлялось важным учитывать взаимосвязи между разными категориями материальной культуры, и история стремьян была увязана с развитием седел и вооружения, прежде всего доспехов и сабли.

А. К. Амброз больше внимания уделил развитию стремьян в середине — 2-й половине I тыс. н. э., а по вопросу об их происхождении в целом следовал за С. И. Вайнштейном. Среди причин появления стремьян указывалась потребность обеспечить удобство действий всадника-катафрактария, которому требовалось не мягкое, а жесткое седло, и которому трудно было без дополнительных приспособлений взобраться на коня и удержаться в седле, орудуя длинными мечом и копьем. Была построена обширная эволюционная схема (Амброз 1973: 83–84, рис. 2; часть ее см. здесь на рис. 1), по которой настоящим стременам предшествовали левосторонние подсадочные подножки,¹ появившиеся не позднее начала IV в., а им, в свою очередь, — ременные или деревянные «приспособления, облегчавшие посадку на коня больным, раненым и т. п.» (Вайнштейн 1966: 63; 1991: 220–221), а также необходимые «для чиновников в пышной одежде... Во второй половине IV и в V в. парные деревянные стремена уже обычны в богатых могилах Кореи и Японии» (Амброз 1973: 83); с VI в. двусторонние металлические стремена широко распространились среди кочевых и оседлых народов. Эта схема, частично «прошитая» типологическими рудиментами, была основана на четкой и ясной логике, подвергшейся, однако, развернутой критике со стороны коллег.

И. Л. Кызласов попытался уточнить вопрос о происхождении стремьян; он решил, что традиция их использования древнее, чем предполагал С. И. Вайнштейн; по его мнению, «стремена появляются и начинают широко использоваться уже с IV–III вв. до н. э.» (Кызласов 1973: 35). Для обоснования этой идеи нужно было привести примеры существования стремьян от III в. н. э. и далее в глубь веков.

В качестве примеров для III в. н. э. приводились случайно найденные на Среднем Енисее миниатюрные модели стремьян, по мнению И. Л. Кызласова — таштыкские. Но еще С. И. Вайнштейн указывал на то, что традиция ритуального моделирования стремьян не прерывалась в Южной Сибири до этнографической современности, а значит, настаивать на таштыкской принадлежности случайных находок нельзя (Вайнштейн 1966: 64–65). Кроме того, использованная И. Л. Кызласовым хронология таштыкских памятников не выдерживает проверки (Азбелев 2012), а миниатюрные стремена, всё же найденные в таштыкских погребениях Арбанского чаатаса и могильника Маркелов мыс I (рис. 13: 7, 8) уже после выхода статьи И. Л. Кызласова, относятся к середине — 3-й четверти I тыс. н. э. (Савинов 2005; Азбелев 2008). Таким образом, таштыкские материалы ничего не дают для прояснения вопроса о ранних стременах, и даже наоборот — таштыкская хронология оказывается в зависимости от датировки различных типов стремьян.

¹ Во избежание терминологической путаницы «подножкой» здесь и далее именуется приспособление, предназначенное для облегчения посадки в седло, а «подножием» — нижняя часть корпуса стремени, на которую всадник ставит ногу.

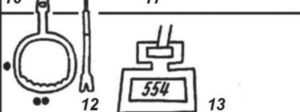
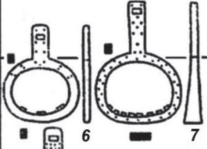
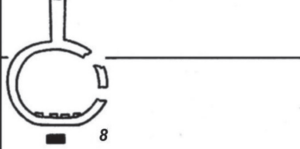

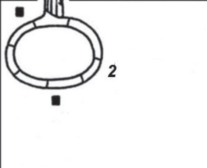
Век	Кожа и Дерево?	Дерево и жость	Железо
VII			 <p>16, 17, 18, 19</p>
VI			 <p>12, 13</p>
V		 <p>6, 7</p>	 <p>8</p>
IV	 <p>1a</p>	 <p>2</p>	

Рис. 1. Происхождение стремян по А. К. Амброзу — С. И. Вайнштейну (по Амброз 1973: 82, рис. 2, фрагмент).

Fig. 1. Stirrups' origin according to A. K. Ambroz and S. I. Vainshtein (after Амброз 1973: 82, fig. 2, detail).

Стремена древнее III в. «обнаруживают» путем логических заключений, основанных на убеждении в обязательном сочетании жесткого седла и стремян, и на ряде памятников рубежа эр и более древних, якобы имеющих изображения крепившихся к седлам ременных петель, в которые всадники продевали ступни. Предположения о бытовании таких приспособлений у кочевников скифского времени были, однако, опровергнуты более тщательным изучением материала (Вайнштейн 1966: 66; 1991: 217; Вайнштейн, Крюков 1984: 118–119); в настоящее время опубликованы и крупные качественные фотографии деталей привлекавших в этих дискуссиях памятников — куль-обской гривны и чертомлыкской амфоры, ясно показывающие, что изображений стремян там нет (Алексеев 2012: фото на с. 186 и 198).

Кроме куль-обских и чертомлыкского изображений, в поисках следов использования «прото-стремьян» сторонниками «ранней даты» указывались индийские памятники последних веков до н. э. — первых веков н. э. Сторонники «поздней даты» появления стремян эти аргументы обычно игнорируют, и соответствующие материалы, по сути, до сих пор не подвергались суммарному критическому разбору.

Прежде всего речь идет о рельефах и скульптурах, украшающих знаменитые ворота («тораны») Большой ступы в Санчи (I в. до н. э.; штат Мадхья-Прадеш в центральной Индии). Кони и слоны показаны здесь с тщательно

проработанной уздой и сбруей² — но ни одного изображения чего-либо, похожего на стремяна, там нет. Всадники сидят на конях без седел, обычно на прямоугольных чепраках, закрепленных грудным и подхвостным ремнями; вертикальный передний край чепрака иногда³ может показаться ремнем стремени; но и не более того. Чепраки в ряде случаев перехвачены сверху ремнем; этот ремень завязывался или застегивался внизу слева, и можно ошибочно принять простой узел или пряжку за какое-то дополнительное приспособление.

Рис. 2. Санчи (Мадхья-Прадеш, Индия). Западные ворота, деталь. © Bhaskar Dasgupta (http://www.piquancy.blogspot.ru/2009_02_01_archive.html).

Fig. 2. Sanchi. West gates, detail (Madhya Pradesh, India). © Bhaskar Dasgupta (http://www.piquancy.blogspot.ru/2009_02_01_archive.html).

В абсолютном большинстве случаев стопы всадников показаны полностью поверх ремней и чепраков, однако на внешней стороне Западных ворот (в пересечении среднего архитрава и южного пилона) есть изображение всадника на стоящем коне, просунувшего голень под ремень, практически «пристегнувшись» к коню (рис. 2); в том же архитраве на пересечении с северным пилоном перед ногой всадника видна вертикальная линия, уходящая под стопу (Тюляев 1988: 154, илл. 149), но это уже может быть и край чепрака.

В целом нельзя не видеть, что если бы стремяна в том или ином виде и впрямь более или менее часто использовались в Индии на рубеже эр, то подробнейший скульптурный декор такого памятника, как ворота Большой ступы в Санчи, конечно, зафиксировал бы эту принадлежность со всей ясностью и четкостью, наравне с прочими частями упряжи и сбруи. Но ничего подобного нет.

² Кроме коней и слонов, всадники Санчи восседают на верблюдах, буйволах, антилопах, козлах и фантастических тварях, но в этих случаях показаны, как правило, только поводья.

³ Особенно если имеющиеся в публикациях изображения нечетки. Это существенно, поскольку на индийских рельефах всадники и кони чаще всего оказываются боковыми, второстепенными персонажами, и внимание фотографов и публикаторов обычно сосредоточено не на них (и тем более не на сбруе). Фундаментальное издание памятников Санчи — трехтомник Дж. Х. Маршалла и А. Фуше, изданный в годы Второй мировой войны — библиографическая редкость, и чтобы изучить детали скульптурного декора, позднее рассматривать не академические публикации или художественные альбомы (как, например, Zimmer 1955: Vol. 2. Pl. 6–30; Сидорова 1971: 57–63, илл. 50–58; Тюляев 1988: 134–162 и т. п.), а бесчисленные любительские фотографии, которые легко найти на различных интернет-ресурсах: порой они сделаны камерами высокого качества с большим разрешением, а потому позволяют разобрать детали, плохо различимые в книгах.

На рельефе из Матхуры (II в. до н. э.; штат Уттар-Прадеш в северной Индии), хранящемся в Бостонском музее изящных искусств,⁴ хорошо видно, что всадник просунул стопу под ремень, спускающийся перед его ногой (рис. 4). М. А. Литтауэр считала, что здесь наездник пользуется, как стременем, особой ременной петлей, — в отличие от рельефа в Санчи, где нога просунута под слабо затянутый ремень (the foot merely tucked under a 'loose surcingle', см. Littauer 1981: 100). По приведенной в статье Литтауэр ссылке (Zimmer 1955: pl. 12) ясно, что речь идет о рельефах на внутренней стороне Северных ворот Большой ступы в Санчи, где, однако, стопы всадников всюду показаны поверх ремней, а не просунутыми ни под них, ни в какие-нибудь петли (рис. 3).⁵ Сравнивать матхурский рельеф можно лишь с указанным выше изображением всадника с Западных ворот.

Различие между сбруей, изображенной на рельефах из Матхуры и Санчи, состоит не в наличии или отсутствии специальных петель, а в другом: в Матхуре за ногой всадника показана и затянутая подпруга, тогда как в Санчи настоящих конских подпруг под чепраками нет. Стопы же всадников и в Санчи, и в Матхуре просунуты под трюковый ремень, «верхнюю подпругу» по В. И. Далю, который перехватывает седло сверху перед всадником и который, в отличие от подпруги, можно ослабить без риска свалиться с коня. Как и в Санчи, на матхурском рельефе ясно видно, что этот ремень ниже стопы всадника загибается и уходит под конское брюхо (М. А. Литтауэр ошибочно приняла это за свободно свисающий конец ремня, «...has its own tab hanging free beneath it», Littauer 1981: 100). Теоретизируя, можно представить себе, что трюк на рельефе из

Рис. 3. Санчи (Мадхья-Прадеш, Индия). Северные ворота, деталь (по Albanese 2001: 15).

Fig. 3. Sanchi. Northern gates, detail (Madhya Pradesh, India). (after Albanese 2001: 15).

⁴ Сведения об этом памятнике и его изображение взяты из статьи М. А. Литтауэр (1981); на сайте музея данные о нем не размещены.

⁵ В книге Х. Циммера, на которую ссылается М. А. Литтауэр, не все фотографии напечатаны разборчиво; по его табл. 12 действительно можно предположить, что на одном из рельефов обратной стороны Северных ворот (в пересечении нижнего архитрава и восточного пилона) ремень перекрывает стопу всадника, восседающего на лежащем коне, упиравшись стопой в копыто его подогнутой ноги (ср. чуть более разборчивые снимки в наших изданиях: Сидорова 1971: илл. 51; Тюляев 1988: 141–142, илл. 135–136); на самом деле здесь вертикальный передний край чепрака упирается в сгиб стопы, и никакой ремень стопу и пальцы ног не перекрывает (см. рис. 3). Далее, может показаться, что на той же обратной стороне Северных ворот какой-то опорой для стопы пользуется правый всадник на стоящем коне в просвете между верхним и средним архитравами; здесь мелкие детали частью съедены эрозией песчаника, частью плохо видны из-за неудачного освещения (ср. Тюляев 1988: 139, илл. 133; Albanese 2001: 135); при взгляде на ту же фигуру с внешней стороны ворот (Тюляев 1988: 134, илл. 128) никакого ремня поверх стопы уже не видно.

Рис. 4. Рельеф из Матхуры (Уттар-Прадеш, Индия). Музей изящных искусств в Бостоне (по Littauer 1981: pl. XXI).

Fig. 4. Stone relief from Mathura (Uttar Pradesh, India). Museum of Fine Arts, Boston (after Littauer 1981: pl. XXI).

Матхуры прикреплен к чепраку у его нижнего края и над стопой, как бы образуя нечто вроде петли; но более вероятно, что над стопой просто повреждена сильно выступающая поверхность камня (уточнить это можно лишь при непосредственном осмотре памятника); в любом случае нет сомнения, что здесь показан именно «опоясывающий» коня ремень, а не свисающий.

Далее, в 19-й пещере Бхаджа (II в. до н. э.; штат Махараштра в западной Индии), на сильно выветренном рельефе в так называемой Малой буддийской вихаре изображен всадник, цепляющийся пальцами ног⁶ за троковый ремень, по сравнению с матхурским — очень узкий (рис. 5: 1, 2).⁷ К сожалению, из-за расположения колена всадника и плохого состояния поверхности камня здесь не вполне ясно, крепится ли этот ремень к нагруднику или же охватывает седло (или чепрак) сверху; неясно также, заканчивается ремень на стопе или уходит вниз, под конское брюхо, и нельзя разобрать, есть ли под ногой всадника

⁶ На крупных снимках видно, что на ноге у всадника — шесть или семь пальцев, два из которых перекрыты ремнем (рис. 5: 2).

⁷ На сайте Британской библиотеки в Лондоне фотография названа «Close view of sculpture on left end of verandah of the small Buddhist Vihara, Bhaja Caves», № 1000/5 (598). Пользуюсь случаем поблагодарить Британскую библиотеку за разрешение использовать это изображение, наиболее раннее из тех, которые я нашел; судя по современным фотографиям, состояние этого памятника постепенно ухудшается.

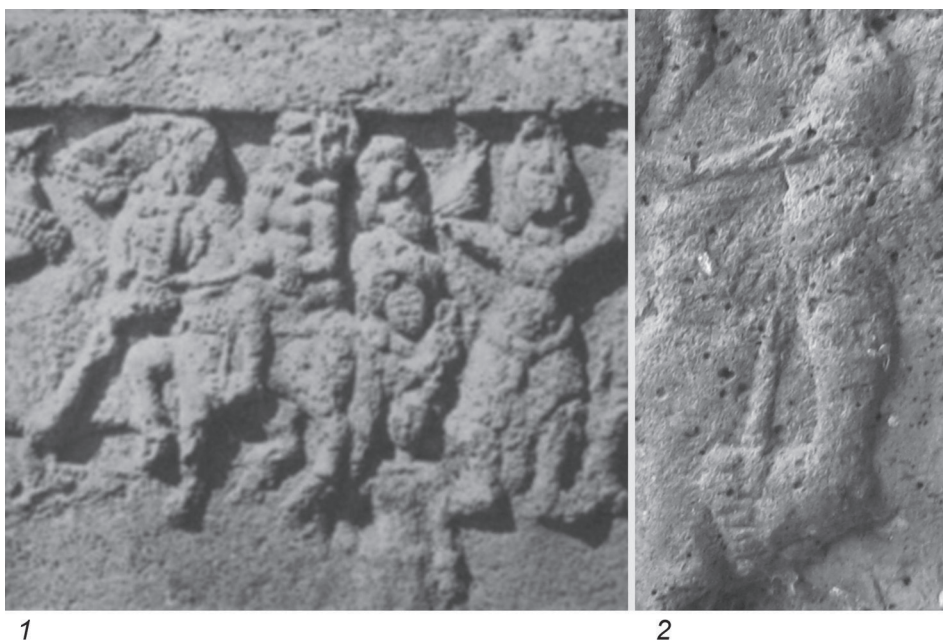

Рис. 5. 1 — Пещеры Бхаджа (Махараштра, Индия). Рельеф в Малой вихаре. Последние века до н. э. (фотограф: Н. Cousens, 1885). © British Library Board, Photo 1000/5 (598). 2 — то же, деталь. © Sagarborkar (http://www.commons.wikimedia.org/wiki/File:Greek_mythological_stone_carvings_at_Bhaje_caves_near_Lonavala.jpg).

Fig. 5. 1 — Bhaja caves (Maharashtra, India). Stone relief on a verandah wall of a Small Buddhist Vihara (photo: Н. Cousens, 1885). © British Library Board, Photo 1000/5 (598). 2 — detail. © Sagarborkar (http://www.commons.wikimedia.org/wiki/File:Greek_mythological_stone_carvings_at_Bhaje_caves_near_Lonavala.jpg).

настоящая подпруга. Представляется, что корректнее всего трактовать это изображение с опорой по аналогии из Матхуры и Санчи.⁸

Таким образом, во всех рассмотренных случаях показан один и тот же нехитрый прием: всадник просовывает ногу под трюковый ремень.⁹ Достоверных

⁸ М. А. Литтауэр писала, что всадник из пещер Бхаджа пользуется ременной петлей (Littauer 1981: 100), ссылаясь при этом на не очень четкую табл. 40 в книге Х. Циммера, где воспроизведен еще один рельеф из той же Малой вихары, представляющий сцену изгнания восходящим солнцем демонов ночи. Здесь стопа всадника справа от решетки и вовсе разрушена, и понять, что показано перед ногой — край чепрака или ремень — совершенно невозможно (ср. чуть более разборчивую старую фотографию № 1000/5(597) на сайте Британской библиотеки в Лондоне, 'Close view of sculpture on right side of back wall of verandah of the small Buddhist Vihara, Bhaja Caves').

⁹ Л. Уайт, описав этот прием, пишет, что позже появились некие крошечные стремена для большого пальца ноги («...a loose surcingle behind which the rider's feet were tucked, and later a tiny stirrup for the big toe alone», см. White 1964: 14), но ссылается (там же: 140, п. 7) на изображения, где показаны всадники, либо всего лишь прикасающиеся пальцами ног к тем или иным элементам сбруи, либо опять же просунувшие стопы или пальцы ног под ремни. На рельефах Санчи иногда показаны ремни с маленькими кольцами на концах, свисающие не с конских, а со слоновьих чепраков; эти колечки служат

Рис. 6. Инталия из Пакистана или Северо-Западной Индии. 22 × 26 мм. Кушанское время. Британский музей, 1919,0709.2. © Trustees of the British Museum.

Fig. 6. Intaglio seal from Pakistan or North-West India. 22 × 26 mm. Kushan period. British Museum, 1919,0709.2. © Trustees of the British Museum.

же изображений «прото-стремьян», относящихся ко времени около рубежа эр, единицы.

На инталии «кушанского времени» (I в. н. э.) откуда-то с территории к югу от Гиндукуша (Хайбер-Пахтунхва, ранее Северо-западная пограничная провинция, Пакистан; Британский музей, №1919,0709.2), показано, как всадник упирается ногой в некое крюкообразное приспособление (рис. 6).¹⁰ Судя по тому, что этими «прото-стремьянами» всадник пользуется во время езды, это именно двусторонние приспособления, а не односторонняя подножка.

для подвешивания кистей, а наездники порой касаются их ногами или даже опираются на них, только и всего.

¹⁰ См. фотографии физической реконструкции таких крюков: Littauer 1981: pl. XXII: c, d.

Рис. 7. «Ваза из Кулу». Прорись, деталь. Британский музей, 1880.22. © Trustees of the British Museum.

Fig. 7. «Kulu vase», detail. British Museum, 1880.22. © Trustees of the British Museum.

Такие же крюки, скорее всего, показаны у всадников на бронзовой «вазе из долины Кулу» (более точная локализация: Гондла, штат Химачал-Прадеш на севере Индии; Британский музей, № 1880.22) (рис. 7). Эта ваза найдена в середине XIX в. при случайных обстоятельствах; Л.Т. Уайт писал о сомнениях в подлинности этой находки (White 1964: 15, n. 1), но А. Л. Бэшем считал ее «вполне индийской по своему стилю» и не спорил с датировкой «периодом до Гуптов», т. е. не позднее III в. н. э. (Бэшем 1977: 403). Несмотря на малые размеры,¹¹ гравированный рисунок, изображающий то ли процессию, то ли последовательность сюжетов, достаточно четко представляет ремни оголовья, поводья, чепраки (без нагрудных, подхвостных и подпружных ремней, т. е. изображение явно схематично) — и обсуждаемые «прото-стремена». У одного всадника стопа перекрыта свисающим предметом (и, значит, не вполне понятно, крюк

¹¹ При общей высоте сосуда 15,2 см высота фриза с изображениями — не более 8 см, включая верхний и нижний бордюры.

это или что-то еще), у другого стопа показана, как можно судить по прориси, полностью, и потому наиболее вероятно, что изображен именно крюк.¹²

Иногда упоминают о находке необычных железных предметов из погребения, относимого к последним векам до н. э., у дер. Джунапани (близ Нагпура, штат Махараштра в центральной Индии; раскопки Дж. Г. Риветт-Карнака, 1867). Курган № 37, один из крупнейших в могильнике, представлял собой земляной холм диаметром 58 футов (почти 18 м) с кольцевой каменной крепидой (рис. 8: 1).¹³ В могиле (неясного устройства) были найдены глиняные черепки и железные предметы вооружения и конской сбруи, в том числе удила с очень большими внешними кольцами (рис. 8: 2). Человеческих останков обнаружено не было (Rivett-Carnac 1879: 9–10), но Л. С. Лешник сообщает о дополнительных исследованиях, в результате которых были найдены лошадиные кости. Для рассматриваемой темы важно, что здесь были найдены слегка изогнутые железные предметы длиной около 17 см (другие размеры не приводятся) с небольшими петлями на концах (рис. 8: 3, 4). Высказывалась догадка, что это подножия ременных или веревочных стремян (Rivett-Carnac 1879: 10, pl. IV: 12, 14; Leshnik 1971: 145, рис. 2: 20–21; 147). Учитывая все, что известно об узде и сбруе того времени, в этих вещах, по-моему, было бы естественнее видеть дополнительные внешние звенья, через которые поводья крепились к уздечке и благодаря которым они не могли попасть в рот лошади; на индийских рельефах иногда можно различить какие-то детали подобного рода (ср. рис. 3). Но в отсутствие предметных серий или находок *in situ* окончательное суждение об этих странных предметах вынести нельзя.

Таким образом, индийские изобразительные памятники последних веков до н. э. — первых веков н. э. свидетельствуют об одновременном бытовании двух способов обеспечить всаднику дополнительную опору — цепляясь стопами за трюковый ремень и упираясь ногами в подвесные крюки. Никаких достоверных свидетельств использования с этой целью ременных петель нет.

Историко-культурный контекст этих приемов и изобретений очевиден. Все названные памятники оставлены не кочевым, а оседлым населением,¹⁴

¹² Это служит еще и дополнительным аргументом в пользу указанной даты и, соответственно, подлинности памятника, ведь в середине XIX в., когда ваза была найдена, о крюкообразных опорах еще не было известно.

¹³ Эти «мегалиты», или «каменные круги» близ Джунапани стали теперь предметом спекуляций «астроархеологического» характера. Сам Дж. Г. Риветт-Карнак увлеченно сравнивал каменные сооружения с европейскими кромлехами, а насыпи — с памятниками в степях «Тартарии». Из рисунка, выполненного «г-ном Кипплингом» (речь о Дж. Л. Кипплинге, профессоре бомбейской школы искусств, отце знаменитого поэта) по эскизу Дж. Г. Риветт-Карнака (Rivett-Carnac 1879: 12; pl. III), ясно, что под Нагпуром были раскопаны именно курганы (рис. 8: 1). Сопоставляя описание с рисунком, можно выяснить и примерную высоту насыпей — до 2,5 м.

¹⁴ То же относится и к южнокитайским материалам. С. А. Комиссаров, основываясь на китайских публикациях, пишет: «Аналогичные (индийским. — П. А.) стремяна-петли были известны и дяньским всадникам, которые, очевидно, изобрели их самостоятельно, без индийского влияния» (Комиссаров 2006: 20). Как уже давно отмечал Д. В. Деопик, «посадка всадника, имеющего доспехи и шлем, наводит на мысль о существовании стремян, тем более что сражается он при помощи меча» (Деопик 1979: 64), но ни изображений, ни находок дяньских стремян или «прото-стремьян», насколько я знаю, нет. Не входя в подробный

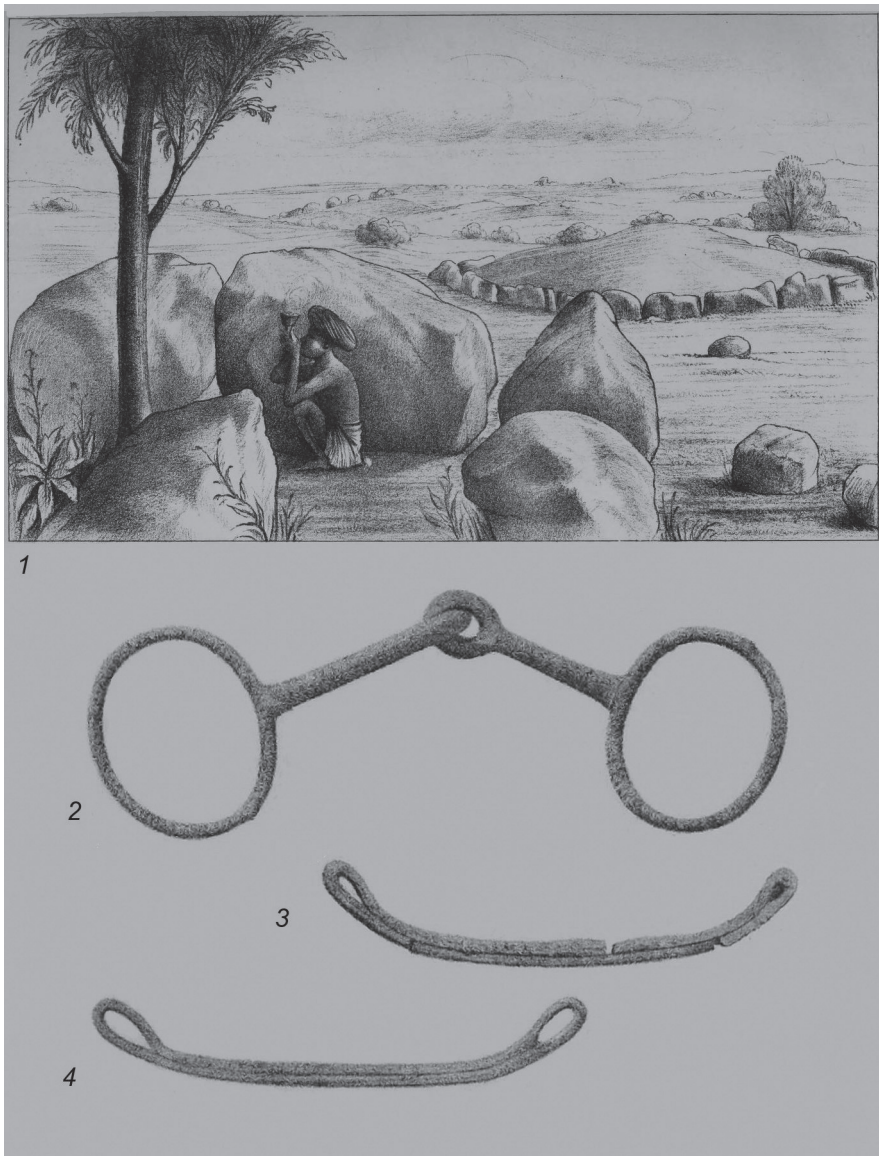

Рис. 8. 1 — Курганы близ Джунапани. Нагпур, Индия. Рисунок Дж. Л. Киплинга по эскизу Дж. Г. Риветт-Карнака; 2, 3, 4 — находки из кург. 37 (по Rivett-Carnac 1879: pl. III, IV).

Fig. 8. 1 — Barrows near Junapahi, Nagpur, India. J. L. Kipling's drawing, from the sketch by J. H. Rivett-Carnac; 2, 3, 4 — artifacts from barrow no 37. (after Rivett-Carnac 1879: pl. III, IV).

которому пришлось столкнуться с кочевниками — в последние века до н. э. на северо-западную Индию обрушились сперва «шаки» (саки), уходившие на юг от юэчжей, а затем сами юэчжи (уже кушаны). Гегемонии номадов, надо полагать, вынуждали индийцев уделять конному делу больше внимания, чем обычно,¹⁵ придумывая при этом совершенно новые приемы и приспособления. Ухищрения эти не имели отношения к искусству конного боя в эпоху катафрактариев, — к ним прибегали, только чтобы увереннее сидеть верхом и не свалиться с коня.¹⁶

Показательно, что на изображениях с крюкообразными приспособлениями на обоих предметах из Британского музея представлены явно не рядовые персонажи, т. е. использовавшиеся ими «прото-стремена» вполне могли существовать лишь в нескольких экземплярах, а их изображение могло быть способом дополнительно подчеркнуть неординарность сцены или героя. Любопытно, что на такой же крюк, насколько можно понять выветренное изображение, опирается стопой Индра (рис. 9), оседлавший слона на рельефе справа от входа в уже упоминавшуюся Малую буддийскую вихару (19-я пещера Бхаджа; см.: Zimmer 1955: pl. 42; Albanese 2001: 198). Такая принадлежность для езды на слонах, будь она широко применявшейся, могла бы считаться прототипом для необычной детали конской сбруи, но других таких изображений, кажется, нет, так что рассуждать о влияниях здесь преждевременно. Больше того: Индра ведь на то и бог, чтобы ездить на слоне, как на лошади, с соответствующей сбруей.

Из-за редкости, датировки и особенностей локализации подобных изображений, во-первых, не приходится говорить о широком использовании «прото-стреман», а во-вторых, нет никакой возможности поставить их в начало эволюции настоящих стреман: слишком велик территориально-хронологический и этнокультурный разрыв между индийскими памятниками рубежа эр и северокитайскими находками сяньбийско-жужаньского времени (эпохи Троецарствия — Шести династий по китайской хронологической шкале), когда

разбор затрагиваемого ниже вопроса, отмечу также, что в хронологии материалов, связываемых с государством Дянь, есть некоторая неясность. Так, указывая для знаменитого могильника Шичжайшань дату IV в. до н. э. — I в. н. э. (Итс 1972: 193; 1975: 7) или V–II вв. до н. э. (Деопик 1979: 63), среди находок из мог. 7 (одной из центральных в некрополе) приводят удлиненную фигурно-пластинчатую пряжку с серповидным просветом в передней части и коротким профилированным подвижным язычком (Итс 1975: рис. 54); почему-то ее называют то золотой (Итс 1975: 188), то бронзовой пряжкой «иранского типа» (Деопик 1979: 162, рис. 20а и подпись к нему) — в то время как она имеет серию китайских аналогий 2-й четверти I тыс. н. э., морфологически восходит к шпеньковым пряжкам рубежа эр — начала н. э. и, значит, на несколько веков моложе, чем государство Дянь, поглощенное Китаем еще в ханьское время.

¹⁵ А. Бэшем, хотя и приводит сведения источников о многотысячной коннице в составе индийских армий, замечает, что «конница не получила у индийцев такого развития, как у некоторых других древних народов, и это очень способствовало тому, что индийские армии были побеждены завоевателями, пришедшими с северо-запада... Конные лучники представляли особую опасность для индийских армий» (Бэшем 1977: 140).

¹⁶ Рассуждая умозрительно, нельзя исключить, что и кочевники порой сохраняли равновесие, просовывая стопы под троковые ремни; но пока не найдены соответствующие изображения, это лишь пустое теоретизирование.

Рис. 9. Индра. Рельеф в Малой буддийской вихаре. Пещеры Бхаджа (Махараштра, Индия). © Soham Banerjee, 2008 (http://www.commons.wikimedia.org/wiki/File:Man_on_Elephant.jpg).

Fig. 9. Indra. Stone relief in the Small Buddhist Vihara, Bhaja Caves (Maharashtra, India). © Soham Banerjee, 2008 (http://www.commons.wikimedia.org/wiki/File:Man_on_Elephant.jpg).

появились односторонние подсадочные подножки и затем первые настоящие стремяна; ни о какой преемственности развития здесь не может быть и речи. И это означает, что начало построенной А. К. Амброзом стройной эволюционной схемы нужно отбросить — вместе с безосновательными домыслами иных авторов о бытовании стремян в скифскую эпоху.

В поисках стремян из органических материалов, якобы предшествовавших металлическим, привлекались как аргумент и этнографические данные: ведь ременные и деревянные стремяна известны у многих народов (см., напр., Рунич 1973: 167 и сл.; Кызласов 1973: 33; Littauer 1981: 101). Но треугольные петли с деревянными планками вместо подножий, изображенные на схеме А. К. Амброза (рис. 1: 1, 1а), не могли породить круглые подсадочные подножки и повторяющие их по форме и декору ранние стремяна. Как минимум логичнее усматривать в примерах из этнографии не переживание глубоко архаичных традиций, а наоборот — позднейшее заимствование уже общепринятой принадлежности с исполнением ее из подручных материалов.¹⁷

Дальнейшими исследованиями в области вооружения и военного дела гунно-сарматской эпохи под сомнение была поставлена и логика, по которой широкое распространение стремян считали непосредственным следствием появления тяжелого доспеха и жесткого седла. Бытование седел с твердой основой в гунно-сарматскую эпоху, т. е. задолго до появления настоящих стремян, засвидетельствовано как находками, так и изображениями, распространенными намного шире, чем индийские «прото-стремени» и дальневосточные подсадочные подножки (Никоноров 2003).

Говоря о жестком седле, следует иметь в виду расплывчатость этого понятия, применяемого в литературе к седлам разного устройства. Так, В. П. Никоноров указывает как пример раннего жесткого седла изображение с батальной сцены орлатских миниатюр (Никоноров 2003: 265); С. А. Комиссаров приводит изображения на золотых бляшках из Чацзягоу в Центральном Тибете (Комиссаров 2002: 353–355). В обоих случаях луки показаны вполне выражено, но они не высокие вертикальные, а низкие, едва выступающие над подушками седла. Практически так же на изображениях такого рода выглядели бы, например, мягкие пазырыкские седла с деревянными функционально-декоративными бляхами на торцах подушек. Прямых признаков того, что перед нами именно жесткие седла, на самих изображениях нет — авторы исходят лишь из контекста и хронологии (рис. 10: 1, 2).

Очевидно, что следует четче отличать седла с низкими луками и простейшими элементами каркаса, вроде ноин-улинского (Амброз 1973: 95, рис. 5: 2а) и, может быть, орлатского и чацзягоуского, от седел с полноценным дощатым ленчиком и высокими луками (Амброз 1973: 95, рис. 5: 2, 3–4).¹⁸ Элементы

¹⁷ Такие примеры хорошо известны. Подтреугольный корпус встречается у восточноевропейских стремян с конца I тыс. н. э., т. е. никак не у ранних. Происхождение таких форм очевидно: заимствуется и воплощается в органических материалах уже развитая идея двусторонних стремян, и на основе ременной имитации складывается новый тип, который и воспроизводится в металле.

¹⁸ Необходимость уточнения понятий в обсуждаемой области осознана давно; см., например, интересные опыты Е. В. Степановой по унификации терминологии, связанной с древними и современными седлами (Степанова 2003, а также более поздние работы

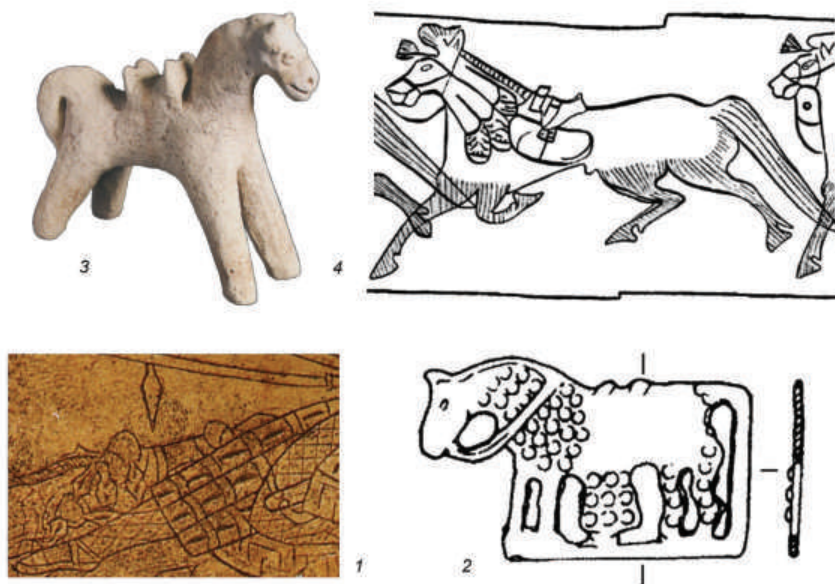

Рис. 10. Ранние жесткие седла без стремян. 1 — Согд (по Chuvin 1999: 96, pl. 136); 2 — Тибет (по Комиссаров 2002: 351, рис. I: 10); 3 — Бахрейн (по Ломбар, Боксматти-Фатух 2012: 8); 4 — Мину-синская котловина (по Панкова 2012: 274, рис. 1).

Fig. 10. Early solid-treed saddles without stirrups. 1 — Sogd (after Chuvin 1999: 96, pl. 136, detail); 2 — Tibet (after Комиссаров 2002: 351, fig. I: 10); 3 — Bahrain, by P. Lombard, N. Boksmati-Fattouh (after Ломбар, Боксматти-Фатух 2012: 8); 4 — Minusinsk Basin (after Панкова 2012: 274, fig. 1).

каркаса в мягких или полужестких седлах еще не решают задачи обеспечить устойчивость посадки, они не более чем укрепляют седло, помогают удержать его форму. Полноценный же ленчик, как известно, с помощью полок распределяет вес всадника, опасно возрастающий из-за брони, и высокими вертикальными луками «зажимает» всадника с возросшей по той же причине инерцией. Судя по датам соответствующих изображений, полужесткие (с элементами каркаса) и полноценные жесткие седла в течение какого-то времени использовались параллельно.

Очень любопытна найденная в Бахрейне, в могиле эллинистического времени (предлагаемая в публикации дата: I в. до н. э. — I в. н. э.), небольшая (высотой около 20 см) глиняная фигурка коня (Ломбар, Боксматти-Фатух 2012: 8); на коне показано высокое жесткое седло со скругленными луками, имеющими выемки, словно бы заставляющие вспомнить то ли о римских «рогатых» седлах, то ли о пазырыкских, с симметричными бляхами на торцах подушек (рис. 10: 3).

этого автора; см. также возражения по ряду частных вопросов и датировок, например: Виноградов, Горончаровский 2008: 168–174 и т. д.). Естественно, при таком подходе главное — избегать неоправданных экстраполяций и анахроничных аналогий вроде упомянутого выше привлечения этнографических материалов к изучению ранней истории стремян.

В течение нескольких веков полужесткие и жесткие седла развивались и менялись без стремян, проникая даже на далекую периферию горно-степного пояса, о чем свидетельствует известное изображение седла на одной из тепсейских планок середины I тыс. н. э.¹⁹ (рис. 10: 4).²⁰

Именно такие седла и стали слишком высокими для седоков, которым потребовались подсадочные подножки. Эпизодическое появление подножек было естественным следствием вынужденного (из-за тяжелого доспеха) перехода к жесткому седлу. П. В. Шувалов, разбирая соответствующую терминологию, замечает: «Как на восточной, так и на западной окраинах огромного евразийского степного мира в первой половине I тыс. н. э. пытались решить одну и ту же проблему: как тяжелооруженному всаднику попасть в седло без посторонней помощи. И не удивительно, что в разных местах могли быть изобретены и некоторое время могли сосуществовать различные, но чем-то схожие решения» (Шувалов 2013: 508). Следует, однако, и в этом случае подчеркнуть, что достоверные изображения и находки таких приспособлений есть лишь в памятниках оседлых, а не кочевых народов, не говоря уже о том, что они крайне редки (Вайнштейн 1991: 221, рис. 97).²¹

Сама по себе эволюция от левосторонних подсадочных подножек к ранним двусторонним стремянам, сперва деревянным, а потом и металлическим, подкрепленная явными типологическими рудиментами (рис. 1: 2–19; см. также: Грач 1982: 162, рис. 7), не вызывает сомнений и не нуждается в дополнительных комментариях. Однако все документированные случаи использования ранних двусторонних стремян либо, как уже указывалось в литературе (Никоноров 2003: 264), не были связаны с военным делом, либо, как следует из историко-культурного контекста, не приводили к сколько-нибудь заметному результату. Может быть, С. А. Комиссаров и прав, вычисляя момент первого засвидетельствованного памятниками использования двусторонних стремян, но пафос его вывода: «Важнейший технологический рывок произошел в течение 10–12 лет, в рамках второго десятилетия IV в.» (Комиссаров 2006: 22) неприемлем:

¹⁹ Экспонируется в 31-м зале Государственного Эрмитажа (публикации прориси: Грязнов 1979: 102, рис. 61: 2, фигура 2, или: Панкова 2012: 274, рис. 1); также см.: Савинов 1984: 132. Тепсейское изображение интересно еще и вычурным контуром, слишком похожим на очертания полук «кокэльского» седла VII–VIII вв. (Вайнштейн, Крюков 1984: 129, рис. 16), чтобы эту аналогию можно было игнорировать, ища дополнительные датирующие обстоятельства для таштыкских склепов. От окончательных заключений здесь удерживает лишь неясность вопроса о происхождении столь узнаваемой формы.

²⁰ Не исключено, что высокие вертикальные луки показаны на серии минусинских изображений всадников, вероятно, тесинского времени, т. е. около рубежа эр (Миклашевич 2012: 50; табл. I–II). Однако уверенно привлекать эти интереснейшие изображения пока нельзя, поскольку предлагаемое их «прочтение» не безусловно, а дата определена по косвенным признакам и может быть пересмотрена.

²¹ Первоначально С. И. Вайнштейн указывал как пример односторонней ременной петли-подножки изображение на золотой пластине со сценой под деревом из Сибирской коллекции царя Петра (Вайнштейн 1966: 63–64). При ближайшем рассмотрении отчетливо видно, что это не петля, а всего лишь торчащий из узла или пряжки конец треугольного ремня, которым перехвачено мягкое седло (См.: Руденко 1962: табл. VII, 1 и 7). В обобщающей монографии 1991 г. С. И. Вайнштейн уже не приводил этого примера, а на те же бляхи ссылался, говоря об отсутствии стремян в скифскую эпоху (Вайнштейн 1991: 218).

появление двусторонних стремян как таковых еще не было — в силу отсутствия очевидных историко результатов — «технологическим рывком».

Боле того: закаленные в битвах и походах «степные рыцари», скорее всего, и вовсе смотрели на них с иронией, как на китайскую безделицу, недостойную истинного богатыря. Еще в 1973 г. И. Л. Кызласов, ища объяснений отсутствию стремян на ранних изображениях, приводил примеры такого пренебрежительного отношения (Кызласов 1973: 35; ср.: Вайнштейн, Крюков 1984: 130). Нужно учесть, что кочевники во все времена избегали излишеств и жестокости в управлении конем: даже металлические удила были нужны главным образом в боевых условиях, когда требовались стремительные маневры на пересеченной местности; в быту же зачастую довольствовались простой ременной уздечкой, — не столько дешевой, сколько щадящей коня. Недаром в кочевнических памятниках не бывает таких изуверских аксессуаров, как мундштучные удила и шпоры. Примерно таким же излишеством должны были поначалу казаться и двусторонние стремяна.

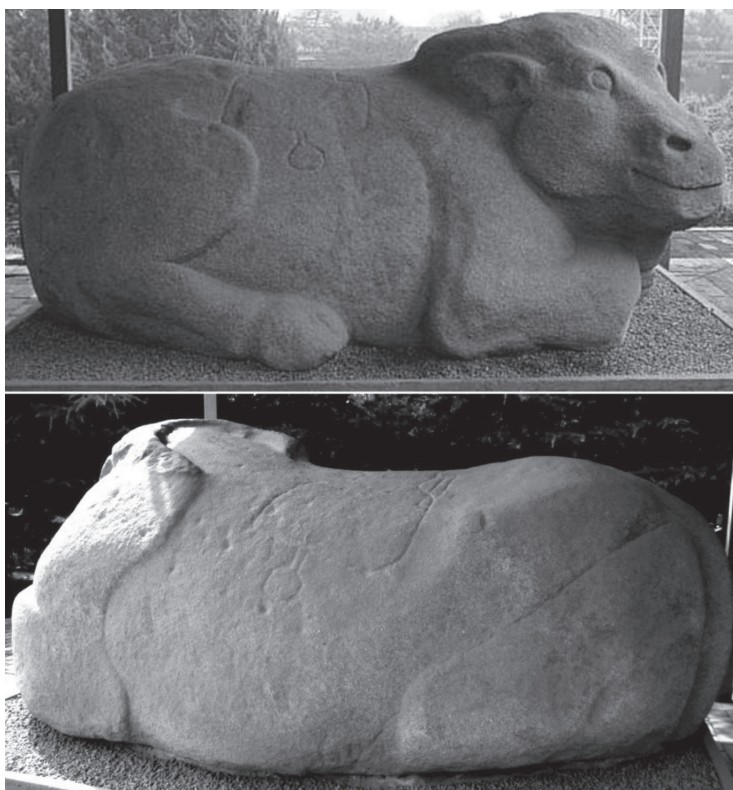

Рис. 11. Изваяние лежащего быка с седлом и двусторонними круглыми стремянами, найденное близ кургана Хо Цюйбина (Шэньси, Китай). Фотографии М. В. Козловской и И. А. Сабирова.

Fig. 11. Sculpture of a lying ox with a saddle and two-sided round stirrups (near Huo Qubing tomb, Shaanxi prov., China). Photos courtesy by M. V. Kozlovskaya and I. A. Sabirov.

Любопытно в этом смысле изображение седла со стременами на изваянии лежащего быка, найденном близ кургана Хо Цюйбина (рис. 11).²² Это и другие изваяния, обнаруженные в разное время и при разных обстоятельствах в полах кургана и вокруг него, часто считают а priori синхронными кургану, однако изображение седла с двусторонними стременами не позволяет принять такую синхронизацию. По этому изображению изваяния нужно отнести не ко временам У-ди и Хо Цюйбина, а ко 2-й четверти I тыс. н. э. (подробнее об этом см.: Азбелев 2011). То, что седло со стременами показано на быке, лучше всего подчеркивает преимущественно небоевое применение этого новшества.

Итак, хотя распространение и развитие жесткого седла закономерно вело к появлению стремян (причем далеко не сразу, а спустя столетия), в IV–V вв. стремяна еще явно не рассматривались как некий технологический прорыв, мало использовались конницей и, соответственно, не получили широкого распространения. Объяснить это можно лишь тем, что воины-всадники не видели в этом необходимости, в лучшем случае используя различные приспособления для удобства посадки, но не для собственно верховой езды. Судя по тому, что все находки настоящих стремян этого времени сделаны, как отмечал еще А. К. Амброз, в богатых погребениях, к новинке относились как к предмету роскоши. В эпоху, когда в Северном Китае то и дело возникали этнически и культурно смешанные государства во главе с кочевыми владыками (Гумилёв 1974), верховая езда неизбежно становилась престижным делом среди оседлой знати — так же, как и в Индии за полтысячи лет до этого, но с той разницей, что теперь уже существовали и подседочные подножки, и первые двусторонние стремяна, оказавшиеся востребованными не столько у воинов, сколько у аристократов.

В. П. Никоноров справедливо заметил, что «стременам предстояло доказать свою целесообразность на поле брани» (Никоноров 2003: 264). Учитывая, как долго (не менее двух веков) уже существующие стремяна не находили себе массового применения, нужно заключить, что в рамках обычной эволюции это удобное нововведение было, в сущности, типологическим тупиком, и получить широкого распространения оно не могло: это шло бы вразрез с естественным консерватизмом кочевнической культуры. Чтобы те же степные традиции сработали «в пользу» стремян, простого удобства езды с ними было недостаточно; что-то должно было «подхлестнуть» развитие культуры верховой езды.

Вместе с тем общеизвестно, что уже во 2-й половине VI в., то есть в эпоху Первого Тюркского каганата, двусторонние металлические стремяна стремительно, «взрывообразно» распространились по всему горно-степному поясу Евразии. Для создателей древнетюркской державы они были уже обычной принадлежностью воинского снаряжения, хотя, по-видимому, еще не обязательной. Так, на раскрашенных гранитных рельефах погребального ложа сабао Аньцзя (северный Китай, 570-е гг.; Anjia tomb 2003) в сценах конной охоты всадники показаны то со стременами, то без них (рис. 12); в сцене торжественной встречи и переговоров сабао и тюркского вождя главные персонажи сидят верхом без стремян (Anjia tomb 2003: 31). Однако во всаднических погребениях этого и последующего времени стремяна — уже неперемнная часть сопроводительного инвентаря.

²² Благодарю М. В. Козловскую и И. А. Сабирова за предоставленные фотографии изваяния.

Рис. 12. Рельефы на плитах погребального ложа сабао Аньцзя. 570-е гг. Исторический музей провинции Шэньси, Китай (по Anjia tomb 2003: 23, 35).

Fig. 12. Bas-reliefs on panels of a funerary bed of sabao Anjia. 570s AD. Xi'an, Shaanxi History Museum, China. (in Anjia tomb 2003: 23, 35).

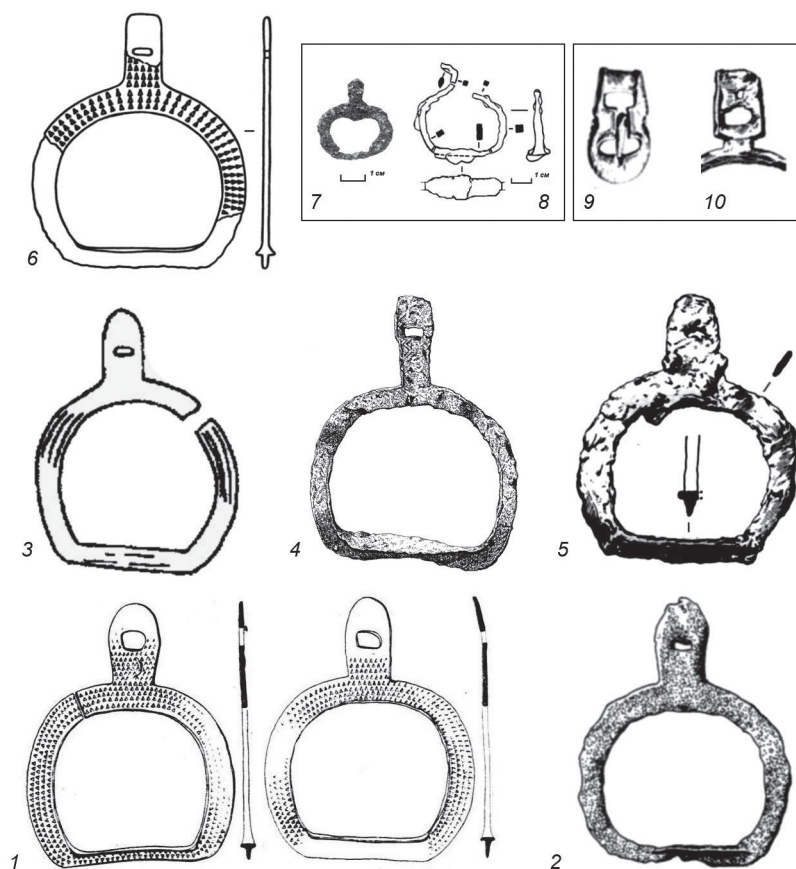

Рис. 13. Раннетюркские стремена: 1 — Тува, Улуг-Хорум (по Грач 1982: 157, рис. 2: 6–7); 2 — Горный Алтай, Кок-Паш (по Васютин, Елин 1987: 87, рис. 1: 12); 3 — Новосибирское Приобье, Крохалёвка-23 (по Савинов 1996: 19, рис. 1: 8); 4 — Алейская степь (по Шульга, Горбунов 1998: 100, рис. 1: 2); 5 — Горный Алтай, Кудыргэ (по Гаврилова 1965: табл. XIV: 7), 6 — Среднее Поволжье, Золотарёвка Пензенской обл. (по Измайлов 1990: 70, рис. 1); 9, 10 — Горный Алтай, Кудыргэ (рис. по Гаврилова 1965: табл. XXI: 8, табл. XXII: 8).

Таштыкские модели: 7 — Маркелов Мыс I (по Тетерин 2007: 84, рис. 19: 9); 8 — Арбанский чаатас (рис. автора, раскопки Д. Г. Савинова и автора, 1988).

Fig. 13. Early Turkic stirrups: 1 — Tuva, Ulug-Khorum (after Грач 1982: 157, fig. 2: 6–7); 2 — Altai Mountains, Kok-Pash (after Васютин, Елин 1987: 87, fig. 1: 12); 3 — Ob' river basin near Novosibirsk, Krokhal'yovka-23 (after Савинов 1996: 19, fig. 1: 8); 4 — Alei river, Altai (after Шульга, Горбунов 1998: 100, fig. 1: 2); 5 — Altai Mountains, Koudyrghe (after Гаврилова 1965: pl. XIV: 7); 6 — Middle Volga region, Zolotaryovka (after Измайлов 1990: 70, fig. 1); 9, 10 — Altai Mountains, Koudyrghe (after Гаврилова 1965: tabl. XXI: 8, tabl. XXII: 8).

Tashtyk models: 7 — Markelov mys I (after Тетерин 2007: 84, fig. 19: 9); 8 — Chaatas Arban II (drawing by the author, excavations by D. G. Savinov and the author, 1988).

Первоначально тюркские стремена повторяли инокультурные прототипы (их основные признаки: пластинчатый корпус, Т-образное сечение очень узкого подножия и петля на высокой невыделенной пластине — рис. 13: 1–6), но в VII в. стремена уже были интегрированы в типологический контекст древнетюркской культуры. Помимо технологических изменений — 8-образная петля (новация, отразившаяся и на таштыкских ритуальных моделях, см. рис. 13: 8), переход от пластинчатых корпусов к стержневым, уплощение и расширение подножий и др. (см.: Савинов 1984: 133; Азбелев 2008: 61–62), любопытный показатель этой интеграции — своеобразное оформление пластинчатой петли, теперь уже нарочито выделенной (Амброз 1973: 82, рис. 1: 4–17), исходно воспроизводящее, скорее всего, заднюю часть древнетюркских роговых и костяных подпружных пряжек. Функциональные боковые вырезы пряжек (они нужны для того, чтобы «утопить» окончания оси язычка) как бы «отразились» в технологически неоправданном узком перехвате между корпусом стремени и петлей для ремня (рис. 13: 9–10).²³ К VII в. из необязательного аристократического подспорья стремена стали всеобщим стандартом и непременной частью инвентаря всаднических погребений. Что же повлекло за собой такие последствия?

Для резкой перемены отношения к стременам должны были произойти некие значительные изменения в образе жизни и деятельности, а значит, и в психологии народа. И коль скоро единственный народ, чья экспансия по времени и географии совпадает с распространением настоящих стремян — это древние тюрки во главе с племенем ашина, то именно в их ранней истории нужно искать причину столь основательных изменений во всаднических традициях — а значит, и искомую новую логику эволюционной схемы.

Источники, на мой взгляд, позволяют наметить пути решения этого вопроса. Известно, что ашина, попавшие после падения Гаочана в 460 г. под власть жужаней, были поселены своими новыми хозяевами на Алтае (надо полагать, речь идет о Монгольском Алтае и северо-западной Монголии) и назначены добытчиками железа (Кляшторный 1965). Обязанность снабжать тогдашних гегемонов центральноазиатской степи этим стратегическим сырьем лежала на племени ашина вплоть до середины VI в., когда в ответ на провокационную просьбу о брачном союзе с ханским родом жужаньский правитель Анахуань надменно ответил тюркскому вождю Тумыню: «Ты мой плавильщик; как же осмелился сделать такое предложение?» (Бичурин 1950: 228) — чем создал необходимый мятежному племени *casus belli* и невольно подтолкнул древнетюркскую экспансию. И коль скоро сведений о карательных походах жужаней на север в предшествующие десятилетия нет, приходится предполагать, что железо от ашина на юг поступало бесперебойно на протяжении почти что целого столетия.

Это означает, что на протяжении жизни трех-четырех поколений большинство тюрков вдобавок к обычным кочевническим занятиям (а кто-то и вместо

²³ Здесь стоит вспомнить о том, что во всаднических погребениях древнетюркской эпохи широко распространена разнотипность стремян, входящих в один комплект: очень часто одно стремя — с восьмерковидной петлей, другое — с петлей на выделенной пластине. Подпругу застегивали только с одной стороны, и с одной же стороны у стремени оказывается пластина, оформленная «под пряжку» (к сожалению, далеко не всегда ясно, справа или слева располагалось стремя того или иного типа). Не исключено, что налицо не простое совпадение форм, а проявление естественного стремления к единственности фурнитуры.

них) было задействовано либо непосредственно в добыче и обработке железа, либо в организации соответствующей работы среди местных мелких племен. И поскольку положение «плавильщиков», «плавильных невольников» — единственное, что явно и безусловно отличает ранних тюрков от остальных центральноазиатских кочевников, изменение их отношения к стременам следует связывать именно с этим обстоятельством.

В свое время С. И. Вайнштейн уже привлекал этот факт к изучению ранней истории стремян у алтайских тюрков: «Следует учитывать не только то, что они были кочевниками-коневодами, проводившими значительную часть жизни в седле, но и то, что у них было высоко развито мастерство добычи и обработки железа» (Вайнштейн 1966: 66). Но дело, как мне кажется, не в уровне развития железного дела у ранних тюрков, а в обстоятельствах их невольной специализации. Едва ли жужаньские вожди ориентировались на какие-то исключительные умения племени ашина — ведь о его превосходстве в этой области над другими племенами никаких данных нет; скорее, жужани просто убрали опасный народец подальше от оазисов Восточного Туркестана, и заняли его той полезной работой, к которой располагал богатый рудными залежами Алтай.

Вряд ли можно сомневаться в том, что среди прочих железных вещей турки-ашина изготавливали для жужаней и стремяна — еще как аристократический аксессуар, в соответствии с той ролью, которую, по всей видимости, играли стремяна в культурах 2-й четверти I тыс. н. э. Начало их массового использования тюрками должно было, вероятно, просто поднять самооценку «плавильных невольников», имевших еще на стадии производства неограниченный доступ к престижному предмету принудительного экспорта.

Все, связанное со статусом, всегда занимало у кочевых народов важное место в системе приоритетов: недаром именно в этой области Тумынь предпринял свое вышеупомянутое провокационное сватовство. Овеществление статуса (как и заимствование престижных типов этноса-гегемона) широко практиковалось у кочевников в целом и у древнетюркских народов в частности, — достаточно вспомнить, например, о том, что именно через изображения реалий передавалась индивидуальность героя в иконографии древнетюркских изваяний, о статусной роли поясных наборов (типы которых распространяются вместе с военно-политическим влиянием) и т. п., вплоть до соответствия между статусом погребенного и размахом погребально-поминальных сооружений. Способствовало развитию этих традиций и постоянное сношение центральноазиатских кочевников с Китаем, где использование статусных изделий и материалов, как известно, и вовсе прописывалось в нормативно-правовых актах. Украшения и престижные принадлежности конской сбруи не были исключением из общего правила, пронизывающего все пласты раннесредневековых всаднических культур Центральной Азии. То, что у обитавшего на отшибе второстепенного племени каждый мог пользоваться аксессуарами элиты народа-гегемона, было столь важным для кочевников своеобразным «шиком», который оказался при этом еще и весьма выгодным в практическом отношении.²⁴

²⁴ Уместно вспомнить аргумент А. П. Рунича о том, что «сама езда верхом на лошади, даже по ровной или слабопересеченной местности, без стремян являлась очень тяжелым и утомительным способом передвижения, а по горной местности была практически

Таким образом, есть основания предполагать, что особые обстоятельства жизни племени ашина и возглавляемого ими союза племен²⁵ на Алтае во 2-й половине V — 1-й половине VI в. расшатали привычные всаднические стереотипы и впервые создали предпосылки для превращения стремян во всеобщую, повседневную и неотъемлемую часть конского снаряжения.

Древние тюрки, одолев жужаней и заняв их место в степной иерархии, сумели в полной мере реализовать потенциал двусторонних металлических стремян. Главное преимущество стремян было, разумеется, во впервые открывавшихся новых возможностях развития искусства конного боя — возможностях, которые теперь кажутся нам такими очевидными. Обычно, объясняя их важность для воина-всадника, пишут о таранном ударе конных копейщиков и об удобстве использования сабли. Однако к VI в. эпоха катафрактариев осталась уже позади, а время сабли еще не наступило. Письменные источники, пусть и более поздние, уверенно ставят на первое место среди умений тюркских воинов конную стрельбу из лука (Азбелев 2010: 83). Вдобавок, как справедливо указывают авторы одного научно-популярного издания, «стремена сильно облегчили обучение выезде, что позволило создавать многочисленные и эффективные конные соединения среди оседлых народов, не имевших традиционной культуры верховой езды» (Алексинский и др. 2005: 13); это замечание очень важно, так как при широкомасштабной экспансии далеко не малое значение имеет возможность быстро обучить новейшим приемам конного боя отряды из числа покорившихся племен и народов, вовлекаемые в дальнейшие завоевания победителей. Бесчисленная орда непревзойденных конных лучников, опирающихся на стремена, — вот главная военно-технологическая инновация древнетюркского времени, и нельзя не видеть, что именно она коррелирует с триумфом рода Ашина, пусть кратковременным, но грандиозным — и по масштабам, и по последствиям в этнокультурной истории Евразии.

* * *

Таким образом, логика эволюционной схемы происхождения и ранней истории стремян, выработанной в 1970-х гг., должна быть пересмотрена. Эта история была не поступательно-эволюционной, а наоборот — весьма дискретной как в типологическом, так и в этнокультурном аспекте.

Во-первых, по-прежнему нет никаких оснований говорить о массовом бытовании каких-либо «прото-стремейн» — немногие подтверждающиеся примеры происходят из культур оседлых народов и вдобавок разрознены; их экстраполяция на всадническую практику гунно-сарматского (и уж тем более скифо-

невозможна» (Рунич 1973: 168), — а ведь именно будучи поселены на Алтае, ранние тюрки оказались перед необходимостью несравненно чаще, чем в обычной степной жизни, перемещаться верхом по взгорьям.

²⁵ Нужно иметь в виду, что основными носителями и «разносчиками» древнетюркских традиций были не сами немногочисленные ашина, а второстепенные в иерархии телеские племена, «гаогюйские поколения» китайских хроник, силами которых тюрки «геройствовали в пустынях севера» (Бичурин 1950: 301) и которым принадлежит большинство всаднических погребений этой эпохи в Южной Сибири и Центральной Азии.

сакского) времени ничем не оправдана. Эти опыты дальнейшего развития не получили.

Во-вторых, нужно согласиться с тем, что распространение седел с жесткой основой само по себе не вело к столь же широкому внедрению стремян. Жесткие седла с высокими вертикальными луками позволяли тяжелой броненосной коннице без дополнительных приспособлений успешно маневрировать и сражаться в любых условиях, где ее применяли.

В-третьих, когда стремена наконец появились, сперва в виде односторонних подсадочных подножек, а затем и двусторонние (причем опять же сперва у оседлых народов), — они никак не повлияли на развитие военного дела, оставаясь своеобразным аристократическим аксессуаром, столь же эпизодическим, сколь и подспорья из органических материалов.

В-четвертых, превращение этого аристократического аксессуара во всеобщий всаднический стандарт произошло не в результате постепенного эволюционного развития северокитайских и корейских прототипов, а вследствие сложения своеобразных, отличающихся от обычного кочевничества условий, в которых племя ашина оказалось после 460 г., с началом алтайского периода своей истории.

Литература

- Азбелев П. П. 2008. Стремена и склепы таштыкской культуры // Виноградов А. В. (ред.). Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-История, 56–68.
- Азбелев П. П. 2010. К истории седельного декора // Соёнов В. И. (ред.). Древности Сибири и Центральной Азии 3 (15). Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского ун-та, 75–91.
- Азбелев П. П. 2011. К атрибуции изваяний с кургана Хо Цюйбина // Харинский А. В. (ред.). Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во Иркутского технич. ун-та, 306–309.
- Азбелев П. П. 2012. Таштыкская хронология: состояние вопроса // SP 4, 257–280.
- Алексеев А. Ю. 2012. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: ГЭ.
- Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. 2005. Всадники войны. Книга первая. Кавалерия Европы. СПб: Полигон.
- Амброз А. К. 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА 4, 81–98.
- Бичурин Н. Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Бэшем А. 1977. Чудо, которым была Индия. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1977.
- Вайнштейн С. И. 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ 3, 60–81.
- Вайнштейн С. И. 1991. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. 1984. Седло и стремя // СЭ 6, 114–130.
- Васютин А. С., Елин В. Н. 1987. О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Мартынов А. И. (ред.). Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 85–90.

- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* 2008. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.) СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Гаврилова А. А.* 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л.: Наука.
- Грач В. А.* 1982. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Окладников А. П., Деревянко А. П. (ред.). Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 156–168.
- Грязнов М. П.* 1979. Таштыкская культура // Грязнов М. П. (ред.). Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 89–146.
- Гумилёв Л. Н.* 1974. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами. III–VI вв. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
- Деопик Д. В.* 1979. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А. (ред.). Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 62–67, 156–165.
- Измайлов И. Л.* 1990. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Худяков Ю. С., Плотноков Ю. А. (ред.). Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 61–70.
- Итс Р. Ф.* 1972. Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука.
- Итс Р. Ф.* 1975. Золотые мечи и колодки невольников. М.: Наука.
- Кляшторный С. Г.* 1965. Проблемы ранней истории племени түрк (ашина) // МИА 130, 278–281.
- Комиссаров С. А.* 2002. Раннесредневековое погребение, найденное в Центральном Тибете // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 350–356.
- Комиссаров С. А.* 2006. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 4: Востоковедение, 20–23.
- Кызласов И. Л.* 1973. О происхождении стремян. СА 3, 24–36.
- Ломбар П., Боксмат-Фатух Н.* 2012. Тилос. Путешествие в загробный мир. Ритуалы и погребальные традиции в Бахрейне в I веке до н. э. — III веке н. э. СПб.: ГЭ.
- Миклашевич Е. А.* 2012. Лышценская писаница // Савинов Д. Г. (ред.). Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лышценская. Улазы III. Сосниха. (Труды САИПИ. Вып. X). Кемерово: Кузбассвуиздат, 28–56.
- Никоноров В. П.* 2003. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Плотников Ю. Ю. (ред.). Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. СПб.: ГЭ, 263–267.
- Панкова С. В.* 2012. Неизвестные фрагменты тепсейских миниатюр // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 1. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 272–276.
- Руденко С. И.* 1962. Сибирская коллекция Петра I. САИ ДЗ-9. М.; Л.: Наука.
- Рунич А. П.* 1973. О конской сбруе из района Пятигорья // СА 1, 163–170.
- Савинов Д. Г.* 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Савинов Д. Г.* 1996. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Шамшин А. Б. (ред.). Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 16–20.

- Савинов Д. Г.* 2005. Миниатюрные стремяна в культурной традиции Южной Сибири // Тишкин А. А. (ред.). *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 129–135.
- Сидорова В. С.* 1971. *Скульптура Древней Индии*. М.: Искусство. 1971.
- Степанова Е. В.* 2003. Скифские мягкие сёдла: вопросы терминологии // Пиотровский Ю. Ю. (ред.). *Степи Евразии в древности и средневековье*. Книга II. СПб.: ГЭ, 151–154.
- Тетерин Ю. В.* 2007. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакасско-Минусинского края // Нестеров С. П. (ред.). *Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 62–88.
- Тюляев С. И.* 1988. *Искусство Индии. III тысячелетие до н. э. — VII в. н. э.* М.: Искусство.
- Шувалов П. В.* 2013. Два железных стремяна // Синицын А. А., Холод М. М. (ред.). *Κοινων δῶρον: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В. П. Никонорова от друзей и коллег*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 502–510.
- Шульга П. И., Горбунов В. В.* 1998. Стремя раннего типа из Алейской степи // Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. (ред.). *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 99–101.
- Albanese M.* 2001. *Ancient India. From the Origins to the XIII century AD*. White Star Publishers.
- Anjia tomb* 2003. *Anjia tomb of Northern Zhou at Xi'an (With an English Abstract)*. By Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. Beijing: Cultural Relics Publishing House.
- Bivar A. D. H.* 1955. Stirrup and its origin // *Oriental Art* 1, 61–68.
- Chuvin P.* (ed.) 1999. *Les arts de l'Asie centrale*. Paris: Citadelles & Mazenod.
- Leshnik L. S.* 1971. Some early Indian horse-bits and other bridle equipment // *AJA* 75, 141–150.
- Littauer M. A.* 1981. Early stirrups // *Antiquity* 55, 99–105.
- Rivett-Carnac J. H.* 1879. Prehistoric remains in Central India // *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. Calcutta. No I, 1–16, pl. I–IV.
- White L.* 1964. *Medieval Technology and Social Change*. London, Oxford, New York: Oxford University Press.
- Zimmer H.* 1955. *The Art of Indian Asia: Its Mythology and Transformations*. Vol. 1 (text), 2 (plates). Princeton: Pantheon Books.